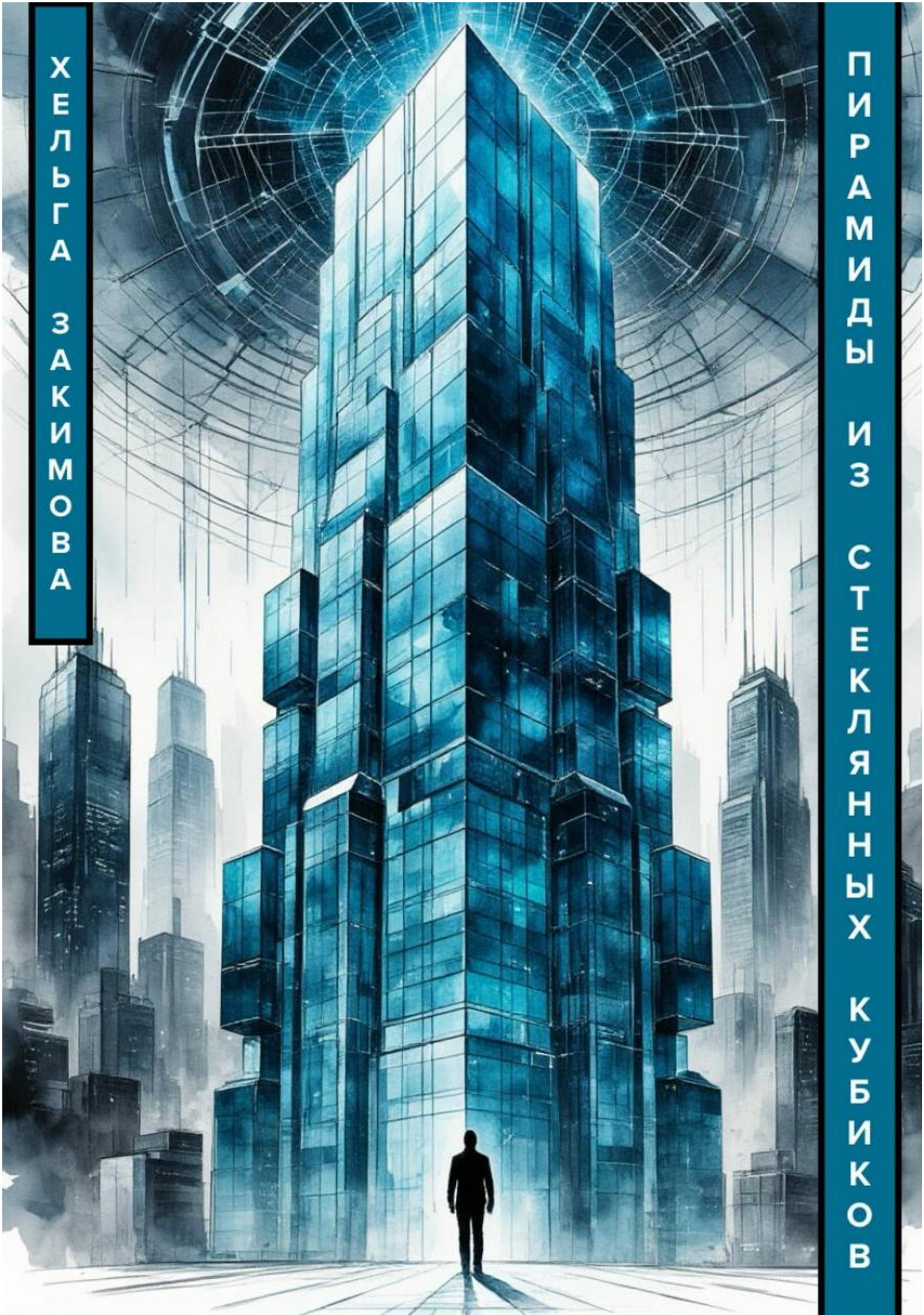

ХЕЛЬГА ЗАКИМОВА
ПИРАМИДЫ ИЗ СТЕКЛЯННЫХ КУБИКОВ

Хельга Закимова

Пирамиды из стеклянных кубиков

«Автор»
2026

Закимова Х.

Пирамиды из стеклянных кубиков / Х. Закимова — «Автор», 2026

Можно ли управлять своими снами? Да, если знать как. А можно ли на самом деле управлять своей жизнью? Или кто-то уже управляет тобой — и ты даже не подозреваешь об этом?Случайности не случайны. Всё, что с тобой происходит, кем-то задумано. Даже твой успех. Даже твоя любовь.Всё началось в 1950 году, когда талантливый психиатр Дональд Кроун решил, что сможет победить самые тяжёлые психические заболевания. Его метод должен был исцелять. Но грань между лечением и манипуляцией стирается незаметно — и Кроун переступает её, оправдывая свои действия «малыми жертвами» во имя великой цели.Прошло шестьдесят лет. Успешный бизнесмен Дэвид Раух открывает новую клинику в Загребе. Для окружающих он — воплощение успеха, человек, построивший империю с нуля. Но за блестящей карьерой скрывается тайна. И однажды она вернётся — прошлое имеет привычку возвращаться.

© Закимова Х., 2026
© Автор, 2026

Хельга Закимова
Пирамиды из стеклянных кубиков

Всё, что произошло, было правдой,

просто не всё произошло на самом деле.

Джорджия, США. 1950 год.

Просторный кабинет. Серые стены с многочисленными дипломами в рамах. На полу ковёр в тон стен с коротким мягким ворсом, массивная мебель из тёмного дерева, окно с изящной едва заметной решёткой. В кабинет входит высокий худощавый мужчина в строгом костюме. Он отодвигает кресло, собираясь сесть, но, бросив взгляд на часы, отходит от стола и идёт к окну. Стрелки показывают без четверти девять – ещё есть время.

Несмотря на раннее утро, солнце уже ярко освещает двор, большую часть которого занимает газон с коротко подстриженной, сочной травой. Узкие линии дорожек рассекают зелёный массив на ровные, одинаковые квадраты, как пирог, нарезанный рукой умелой хозяйки. Двор заканчивается высокой живой изгородью, отделяя больничную территорию от жилых корпусов для персонала. За ними виден небольшой белый особняк, окружённый деревьями.

Когда его пригласили на должность главного врача психиатрической больницы, казалось странным жить в таком месте. Со временем, однако, он нашёл это весьма удобным – работа занимала большую часть дня, а иногда и ночи и плотно сплелась с повседневной жизнью. Его жена, Элли, давно смирилась с этим.

Они познакомились пятнадцать лет назад в больнице Святой Марии – красавица-медсестра и молодой, но уже подающий надежды врач. Выходя замуж, Элли знала, что работа всегда будет для него на первом месте. Обладая спокойным нравом и острым умом, она легко находила общий язык с коллегами мужа и их жёнами, с удовольствием принимая участие в организации различных мероприятий и с интересом слушая рассказы о пациентах и исследованиях. Потеряв надежду когда-либо стать матерью, она целиком посвятила себя заботами о доме и муже. Для него она была не просто женой, а настоящим другом, которому он мог открыться, не боясь ни зависти, ни осуждения.

Ещё минута… Не оглядываясь на часы, он физически ощущает, как стрелка передвигается на циферблате. Безупречный порядок ровных линий разрушается. Фигурки в одинаковых пижамах рассыпаются по больничному двору. Кто-то бесцельно идёт по кругу… Кто-то садится на скамейку… Кто-то ложится прямо на траву… Их тела монотонно раскачиваются из стороны в сторону… Их губы беззвучно двигаются, ведя бесконечный диалог… Их глаза смотрят на невидимых собеседников… Дни, месяцы, годы… Он знает каждого… Кто-то здесь недавно, а кто-то уже не вспомнит жизни вне этих стен, потерянно блуждая во мраке своего сознания. Сколько же историй таких разных и таких похожих…

С надеждой они приезжают сюда, и всё здесь призвано поддержать эту надежду. Высокие каменные стены неотступно охраняют их покой и защищают их секреты от такого беспокойного внешнего мира. Надпись на массивных металлических воротах «Private Sanatorium» – Частный санаторий. «Смотри, – нашёптывает голос, – это не больница, тебе не о чем волноваться…».

За воротами начинается длинная дубовая аллея. Ещё немного тишины, умиротворения и их взгляду открывается прекрасное двухэтажное здание с колоннами и огромными окнами,

которое скорее напоминает богатое поместье, чем психиатрическую клинику. Никаких решёток на фасаде главного корпуса – красивая обложка для неприглядного содержания, скрытого от глаз. Парадный вход – над деревянной двустворчатой дверью табличка с резными золочёными буквами: «И оживит Господь сокрушённых сердцем и укрепит измученных духом. Входя сюда, найдёшь надежду в каждом дне». «Ты просто устал, – продолжает голос, – ты немного отдохнешь, и всё будет хорошо, всё будет так, как раньше…».

Всего три ступени отделяют их от конца их прежней жизни. Мало кому удаётся обмануть судьбу, и они будут возвращаться сюда снова и снова. По опыту он знает, семена безумия могут долго дремать, но они всегда дадут всходы – это только вопрос времени. «Оставь надежду всяк сюда входящий» – подошло бы куда больше. Бесконечная череда трагедий и сломанных судеб, безнадёжного отчаяния или смирения.

Но скоро всё изменится!

Как часто он стоял так, наблюдая из окна и мечтая о том времени, когда депрессия, психоз и даже шизофрения станут не сложнее обычного гриппа:

Люди вернуться к своей жизни. Мужья обретут жён, дети матерей. Всё, что убивало их разум, будет удалено, но не скальпелем хирурга, а дремлющими ресурсами их же собственного мозга. И вместо больных, негодных, отравляющих ядом безумия мыслей я помещу в сознание измученных болезнью людей то, что даст ростки новой, здоровой личности. Это станет настоящей революцией в психиатрии! Эре лоботомии с её калечащими средневековыми инструментами, разрывающими в клочья белые волокна лобных долей и уничтожающими саму суть человеческой природы безвозвратно, наступит конец.

Сейчас он как никогда близок к своей цели, несмотря на многочисленные «но», нашлись и те, кто поддержал его смелые идеи.

Стук в дверь заставляет мужчину обернуться. В кабинет заглядывает, молодая девушка.

– Доктор Кроун, здесь мистер Шульц. Он был записан на десять, но уже приехал. Сказать, чтобы подождал?

– Не нужно, Хелен. Дай мне пару минут и пусть заходит.

Кроун садится за стол. На широкой столешнице небольшая настольная лампа с мягким абажуром, телефон, несколько одинаковых папок аккуратной стопкой, блокнот в коричневом кожаном переплете и стальная ручка с гравировкой «Будущее – это мечта, которую мы делаем реальностью» – подарок Элли.

Напротив стола на расстоянии около метра стул с высокой спинкой и небольшой журнальный столик, их ножки намертво прикручены к полу. На столике пачка бумажных салфеток, алюминиевый графин с водой и стакан. Обвинения и крики, слезы и мольбы о помощи – всё это обычные спутники приема главного врача частной психиатрической клиники.

Дверь слегка приоткрывается, и невысокий, полный мужчина протискивается в кабинет. Быстро поздоровавшись он устремляется к стулу, как к спасательному островку, и практически падает в него.

– Мне позвонили… сказали нужно приехать. Что-то с Мэри?

– Не волнуйтесь, мистер Шульц, ничего не случилось, но нам просто необходимо обсудить наши дальнейшие действия и принять правильное решение, – Кроун делает небольшую паузу и, убедившись, что посетитель внимательно его слушает, продолжает.

– Ваша супруга наблюдается в клинике уже пять лет. К моему величайшему сожалению, все усилия не дали каких-либо весомых результатов. В последние два года не прослежива-

ется никакой положительной динамики, скорее состояние ухудшается. Максимально чего мы смогли добиться – возможность находиться вне этих стен какое-то время, – он говорит ровным, негромким голосом, глядя прямо на посетителя, который нервно сползает на краешек стула и пытается подвинуть его ближе к столу.

– Я знаю, что вы небогаты и оплата наших услуг даётся вам с трудом. Вам нечем платить, и вы вынуждены забирать жену из клиники – лечение прекращается. Пребывание дома заканчивается срывом, и вам приходится привозить её обратно – лечение возобновляется. Всё повторяется и повторяется из раза в раз – это просто бессмысленно. Кроме того, нахождение такой пациентки дома может быть опасно и для неё, и для окружающих. Я всегда категорически против этого. – Кроун предупредительно поднимает руку, заметив, что посетитель порывается вскочить.

– Я знаю, что вы выполняете все указания, даёте назначенные препараты и фиксируете пациентку на время вашего отсутствия – даже приобрели специальную кушетку с ремнями и смирительную рубашку. Всё это, конечно, похвально, но... Но это никак не может улучшить её состояние, поймите это.

– Я понимаю, доктор, – я стараюсь! Я так стараюсь! Я немного даже погрузился в тему современной психиатрии. Вот что в газетах нового, в журналах разных – всё читаю. Я ведь что-то и сам могу. Вот, здесь вот пишут про ледяные ванны… – Шульц вытаскивает из портфеля потрёпанный журнал.

– Что?! Вы самостоятельно, без указаний, проводите процедуры?!

– Нет-нет, я просто сказал… я никогда… без разрешения, – Шульц вжимается в стул под гневным взглядом Кроуна.

– Пора остановиться! Больше никакого домашнего лечения – это в корне противоречит нашим правилам!

– Я же должен что-то делать, доктор? Я жду-жду и… и ничего… Я просто хочу, чтобы Мэри была здорова и всё… Вы мне скажите, что для этого нужно.

– Мистер Шульц, я как врач должен действовать прежде всего в интересах пациентки… Я настоятельно рекомендую вам поместить супругу в государственную психиатрическую больницу, где ей будет обеспечен уход и постоянный контроль. Для людей с такими тяжёлыми заболеваниями единственное место – закрытое учреждение, частное или государственное – не важно. Современная медицина здесь бессильна. Вы понимаете?

Шульц молча поднимает упавший под стул журнал, аккуратно складывает его и убирает в портфель. Затем тянется к графину. Вода тонкой струйкой льётся в стакан. Он сжимает в ладонях холодный металл, отполированный до блеска сотнями нервных пальцев, и так и не произносит ни слова.

Не дождавшись ответа, Кроун продолжает:

– Я подготовлю все необходимые документы для перевода вашей супруги. Вы меня слышите, мистер Шульц?

– Да, доктор… слышу… – он произносит слабым, тихим голосом. – Мне же говорили, что серьёзных повреждений мозга не было. Физически она здорова. Она всё может, но не делает… Говорили, что это вопрос времени, просто вопрос времени... И что теперь? – он судорожно всхлипывает и продолжает. – Если бы вы её знали, тогда, раньше… Какая она была… Она, как солнце, освещала всё вокруг… А сейчас… сейчас она как будто в ужасном, непрекращающемся кошмаре, и никто не может её разбудить… Это я виноват! Проклятая авария, и наш сын погиб! Я должен был благодарить бога, что она выжила каким-то чудом, а я проклинал её, винил в смерти Роберта… Она была без сознания, так долго! А я… я приходил каждый день и говорил, что она убила нашего мальчика. Сейчас я думаю она всё-всё слышала. Она не могла подать знак, но она всё слышала... Ей некуда было деться от моих слов, от меня, а я всё повторял и повторял это... – он замолкает, опустив голову.

– Мне очень жаль, мистер Шульц, но за эти годы мы испробовали все доступные методы, – Кроун смотрит на часы, давая понять, что разговор окончен.

– Я вас умоляю! Может быть есть ещё какой-то способ достучаться до неё, мне не жалко никаких денег, она вся моя жизнь! Я сделаю всё, что вы скажете, только не отнимайте у меня надежду, прошу вас, доктор…

Кроун задумался. Он сосредоточенно перелистывает страницы истории болезни Мэри, не глядя на Шульца, который застыл от ужаса в ожидании приговора. Наконец Кроун произносит неожиданно мягко:

– Мистер Шульц, я давно знаю и вас, и Мэри… и поверьте, мне не безразлична ваша судьба. Я очень хочу вам помочь. Не могу ничего гарантировать… но сейчас я провожу испытание абсолютно нового метода лечения. Пока что, я выбираю пациентов с подходящими диагнозами. Я бы мог попробовать… К тому же в этом случае вам не нужно платить, так как это научное исследование финансируется. Но, повторюсь, я не могу обещать никаких результатов. Подумайте. Посоветуйтесь с родными.

– Доктор, у нас с Мэри никого нет, мне не с кем советоваться. Если есть хотя бы какой-то шанс, этого уже достаточно.

– Ну, хорошо, – Кроун берет верхнюю папку из стопки бумаг на столе и протягивает её Шульцу, – пожалуйста ознакомьтесь и поставьте подпись. И прошу учесть, вы не будете посвящены ни в какие детали лечения. Подписывая, вы соглашаетесь на проведение любых назначенных процедур. Вы не сможете передумать и прекратить лечение. Вы не сможете навещать вашу супругу до окончания лечения. Вы не сможете предъявить претензии в случае ухудшения состояния и... и даже в случае её смерти. Вы согласны?

– Конечно я согласен, доктор! Я уже думал всё… всё кончено. А вы нас спасаете… и даже ничего взамен… спасибо… спасибо вам! – Шульц берёт ручку и, не читая, быстро ставит росчерк внизу листа, как будто опасаясь, что Кроун может передумать.

– В таком случае, мы займёмся лечением Мэри, а вы возвращайтесь к своим делам и ни о чём не беспокойтесь.

Дождавшись, когда за Шульцем закроется дверь, Кроун поднимает трубку:

– Хелен, соедините меня с Маккензи.

Раздается щелчок и приветливый голос Хелен произносит:

– Доктор Кроун, доктор Маккензи у телефона.

– Джеймс, Шульц всё подписал. Да, совать свой нос уже не сможет. Подготовь её и завтра начинаем. Не забудь биохимию и кардиограмму – нужно взять под контроль все основные показатели.

Кроун открывает лежащий перед ним блокнот. Вот и настал момент, которого он так долго ждал – первая запись. Ровным, мелким почерком он выводит на обороте:

«Дональд Кроун. ТМС. 25 мая 1950 год».

Переворачивает лист и продолжает на верхней строке:

«Therapeutic Mind Control – Терапевтический Контроль Сознания».

Когда-нибудь, вполне возможно, этот метод лечения будет назван «Терапия Кроуна». Его мечта начинает становиться реальностью.

«Пациент № 1:

Мэри Шульц. Женщина. Тридцать два года.

Диагноз: травматический психоз с выраженными кататоническими симптомами.

История заболевания: проходила лечение с апреля 1945 года. В результате автомобильной аварии пациентка перенесла закрытую черепно-мозговую травму с вовлечением лобной и височной долей головного мозга. Находилась в коматозном состоянии на протяжении шести

недель. На фоне тяжелой психологической травмы из-за гибели сына наблюдаются выраженные симптомы психогенного ступора.

Клиническая картина: обездвиженность, эмоциональная отрешенность, мимика безжизненная, взгляд фиксирован в одну точку, полное отстранение от реальности.

Особенности состояния: при малейшем физическом контакте возникает резкая реакция в виде агрессии.

Цель лечения: дезинтеграция воспоминаний – удаление негативных фрагментов; восстановление всех функций; восстановление личности с частичной подменой

Методы лечения...»

Он не соврал Шульцу – все обычные методы уже были испробованы.

При поступлении в клинику состояние Мэри совсем не выглядело безнадёжным, и Кроун с энтузиазмом взялся за лечение, не сомневаясь в успехе. С помощью курса электрошока удалось быстро «выбить» её из ступора. Успокоительные препараты мягко подавляли её душевную боль и, казалось, она начала примеряться со своим горем. Постоянная жёсткая фиксация сменилась со временем сдерживающими мягкими манжетами, а когда она достаточно окрепла физически были разрешены короткие прогулки по больничному двору. Она всегда вела себя очень спокойно и тихо, медленно ходя по дорожкам, не останавливаясь и ни с кем не разговаривая. По окончании она позволяла сестре взять себя за руку и послушно возвращалась в свою палату.

Неожиданное происшествие перевернуло всё, в один миг уничтожив хрупкий мост, связывающий Мэри с реальностью. Санитарка не уследила за сыном, и малыш выбежал во двор как раз во время дневной прогулки. Он врезался в колени Мэри, мгновенно превратив её из полусонной безобидной тихони в опасного хищника, готового защищать своего детёныша ценой собственной жизни. Одной рукой она вцепилась в вопящего от ужаса ребёнка, а второй, как тряпичную куклу, отшвырнула в сторону сопровождавшую её медсестру. Двое дежуривших во дворе санитаров поспешили на крики. Подбежав один из них обхватил худенькое тело Мэри сзади, сдавив её плечи и грудь медвежьим захватом, а второй ломал её пальцы пытаясь вырвать из них мальчика.

После этого казалось ничто уже не могло повлиять на её состояние. Оставалась только лоботомия, применение который Кроун старательно оттягивал, надеясь на чудо, но оно так и не произошло за эти годы. Сейчас он был рад, что не применил этот наимоднейший метод, выжигающий из пациентов остатки личности и оставляя лишь сухую, одинаковую оболочку. На этот раз он точно сможет ей помочь.

Так, с чего лучше начать? Самое главное – очистить её сознание, стереть негативные воспоминания…

А ведь можно на этом не останавливаться… Можно улучшить её, как личность. Сформировать в ней новые черты… привить больше добродетелей, к примеру… Или, даже сделать из неё идеального человека – убрать всё, что вызывает сомнения и беспокойство, неуверенность, угнетает разум и чувства. А взамен – мягкость и преданность, послушание, возможно…

Ну-ну не будем торопиться, сначала удаление. На белом, чистом листе проще написать прекрасную картину, чем на замызганном газетном обрывке.

Он продолжает запись:

«1. СШТ+. Силовая шоковая терапия большой мощности от 150 миллиампер».

Конечно, шоковая терапия уже давно и активно применялась, да и сама Мэри Шульц неоднократно проходила данную процедуру, но Кроун всегда считал, что недостаточно высо-

кое напряжение не в состоянии кардинально повлиять на тяжёлые случаи. Перераспределение серотонина и дофамина, конечно, может сделать психически больного повеселее, но вряд ли излечит его. Большая же мощность позволит вызвать перестройку нейронных сетей мозга и даже сформировать новые связи, поможет стереть всё ненужное и подготовит к дальнейшей перезаписи сознания.

После очистки начнётся следующий этап. Пациентка должна стать восприимчивой к загрузке. Нужно убрать все защитные барьеры – сознание должно стать подобно губке, которую бросили в воду, и ей ничего не остаётся, как впитывать и впитывать жидкость без сопротивления.

Он выводит с новой строки:

«2. ПАТ. Психоактивная терапия – ЛСД-25 в дозировке от 300 микрограмм».

И наконец, формирование личности согласно подготовленному макету:

«3. НЛП. Нейролингвистическое программирование – прослушивание многократно повторяющихся аудиозаписей с позитивными утверждениями и инструкциями».

Основные фразы для повтора он уже записал. Это будут простые короткие предложения: «В твоей жизни все хорошо», «Ты полностью здорова», «Ты счастлива» и тому подобное. Необходимо добавить, конечно, и индивидуальные указания. В случае с Мэри самой главной станет фраза: «У тебя никогда не было детей».

В блокноте будут фиксироваться все действия по дням: реакция на процедуры, промежуточные результаты, а также мысли и идеи. Это будет не сухой медицинский журнал, а роман, где фантастика и реальность объединятся в блестящий финал.

Начнем с минимальных доз, пусть организм немного адаптируется, через каждые пару дней небольшое увеличение и к концу месяца сможем выйти на максимальные параметры, которые и будут применяться в течение всего курса лечения. Он встает и довольно улыбаясь выходит из кабинета.

***

Кроун сидит за столом, задумчиво перебирая истории болезней. Первая неделя терапии подходит к концу, и пока всё идёт гладко.

Да, выбор молодой физически здоровой женщины был очень правильным решением. Начальный этап пройден, дальше будет тяжелее. Но она справится – я уверен! Нужно найти ещё пару пациентов с подходящими диагнозами. Так, шизофрения – пока нет, депрессия – слишком просто, психоз – возможно…

Резкий телефонный звонок нарушает тишину кабинета, заставляя Кроуна вздрогнуть от неожиданности. Он быстро поднимает трубку. Взволнованный голос Маккензи на другом конце не предвещает ничего хорошего.

– Доктор Кроун, извините, что отвлекаю, но дело очень срочное. Мне позвонили из лаборатории, они не были уверены и решили перепроверить, перепроверили, сейчас уже точно… Я и сам всё перепроверил… Всё сходится…

– Джеймс, может быть вы перейдете к сути вопроса, – вечно нервный, суетливый Маккензи всегда раздражал его.

– Это на счёт Мэри Шульц. Её анализы указывают на беременность.

Кроун чувствует холод, как будто он неожиданно упал в ледяную воду, которая накрывает его с головой.

Как такое могло произойти?! В больнице? Это невозможно!

– Вы уверены?

– Уверен! Иначе не стал бы беспокоить. Примерно двадцать недель.

– Двадцать недель… В это время она находилась дома. Всё это какая-то нелепая ошибка.

– Ошибки быть не может! У нас на завтра запланировано увеличение мощности и дозировок. Что будем делать?

– Будем продолжать. Мы учтём новые вводные, но не станем отклоняться от первоначального плана лечения, – Кроун закрыл глаза, его сердце бешено стучало.

– Но, доктор Кроун, вы понимаете, к чему это может привести, какой это риск? Я не могу взять на себя такую ответственность!

– Ответственность – это моя прерогатива, доктор Маккензи, – Кроун резко обрывает его. – Уже поздно. Мы обсудим это завтра. И я очень надеюсь, у вас хватит благоразумия не раскрывать эту информацию и чётко следовать моим указаниям.

Он бросает трубку.

Проклятый Шульц! Маленький, жалкий человечек всегда так нелепо ёрзающий на его стуле. Как ему вообще это удалось?! Даже стянутая ремнями Мэри впадала в дикую ярость от малейшего прикосновении так, что ткань смирительной рубашки начинала трещать.

Кроун надевает пальто и, стараясь не думать о неожиданно образовавшейся проблеме, быстрым шагом идёт к дому. Золотистый свет, струящийся из окон гостиной, пробивается сквозь чёрные ветви деревьев, и сейчас он стремится к нему как мореплаватель к маяку после долгого, утомительного путешествия.

Элли, наверное, уже накрывает на стол, как обычно мурлыча под нос какую-нибудь весёлую песенку. Они сядут ужинать, возможно выпьют по бокалу вина, проблемы подождут до завтра.

Дома, не смотря на все усилия, ему никак не удаётся отвлечься от тревожных мыслей. Завтра предстоит принять непростое решение.

С одной стороны, Маккензи, конечно, прав – это риск…

Но, с другой стороны, Мэри Шульц – идеальный экземпляр для его эксперимента. Она нужна ему!

Конечно, есть понятие врачебного долга. Не навреди! Гордыня – самый страшный грех врача! Он всё это помнит, но…

Но невозможно достичь результата ничем не рискуя. Разве великая цель не оправдывает малые жертвы, а смирение разве не враг для прогресса?!

Элли замечает, что муж чем-от сильно обеспокоен. Он задумчиво тыкает вилкой в жаркое и по его лицу видно, что он ведёт с кем-то яростный спор. Наконец не выдержав она спрашивает прямо:

– Дональд, что-то произошло?

Кроун поднимает глаза на жену.

– Мэри Шульц беременна – двадцать недель. Маккензи настаивает на исключении её из испытаний. Вот что произошло.

Элли хмурится на мгновение.

– Конечно тебе решать, дорогой. Но, допустим, ты её исключишь, и что будет? Она всё равно нуждается в сильных препаратах и в данном случае вряд ли сможет выносить ребенка. Но если у тебя всё получится, то через четыре месяца она уже будет наслаждаться материнством,

как обычная здоровая женщина. Ты можешь дать ей этот шанс, – её голос звучит одновременно и мягко, и уверенно, – а Маккензи… Маккензи всегда всего боится. Если бы все были такими как он, людей и сейчас лечили бы травами и молитвами.

– Ты права! И что бы я делал без тебя, – он произносит с нежностью, подумав:

Спасибо, Господи, что ты послал мне Элли. Сколько же раз её хладнокровие и ум помогали мне, всё расставляя по своим местам. Вот и сейчас она увидела главное, отметая в сторону глупые эмоции.

– Я просто обычная жена гениального врача, – отвечает Элли чмокая мужа в щёку.

***

Лечение Мэри Шульц продолжилось и, к всеобщей радости, появились очевидные признаки улучшения. В первые дни элекрошок причинял ей сильные страдания, но шли недели, интенсивность постепенно увеличивалась, достигнув определённых Кроуном параметров в триста миллиампер, и тело сдалось – напряжение ушло, судороги исчезли. Её сознание было готово.

Теперь в ход пошли аудиозаписи. Они повторялись в течение всего дня и ночи, стирая из памяти женщины всё, что было связано с прошлым и заполняя образовавшиеся пустоты простыми и чистыми мыслями: «Ты любящая жена», «Ты можешь поправиться», «Ты счастлива», «У тебя никогда не было детей»... Фразы повторялись снова и снова, мужскими и женскими голосами, с разной интонацией и громкостью – они то нашёптывали, то отдавали приказы без остановки и усталости.

Психотропные препараты помогали её мозгу усваивать эти простые уроки, ломая остатки сопротивления и заставляя принимать выбранную Кроуном реальность, как единственно возможную.

Ещё несколько пациентов, отобранных для программы, также показывали неплохие результаты: уровень агрессии немного снизился, а некоторые даже начали самостоятельно принимать пищу. Правда, Кроун заметил изменения, происходящие в лицах его подопечных: их мимика и выражение стали удивительным образом похожи друг на друга, что было странно и немного пугающе. Но он решил пока не обращать на это внимание, как на незначительный побочный эффект.

По вечерам он анализировал все события дня, кратко занося итоги и описывая самые интересные происшествия и реакции пациентов в свой блокнот.

Маккензи больше не спорил и чётко выполнял все указания, однако в его взгляде ясно читалось это тихое, безмолвное несогласие и неприязнь. Кроун твёрдо решил избавиться от него при первой же возможности.

***

Кроун резко просыпается и смотрит на часы – пять утра. Над ним стоит Элли.

– Что случилось?

– Звонил дежурный санитар. У Мэри Шульц, кажется, начались роды. Собирайся быстрее!

– Проклятье! Я предполагал, у нас как минимум месяц в запасе!

Стараясь унять дрожь в руках он быстро натягивает одежду и, подбегая к выходу, налетает на жену. Элли спокойно стоит у дверей уже в шляпке и плаще.

– Я подумала тебе может понадобиться помощь медсестры родильного отделения.

Она берёт его под руку и волнение сменяется спокойной уверенностью.

***

Элли действует умело, отдавая распоряжения медсестрам и санитарам, которые почувствовав её уверенность безропотно и с радостью подчинились ей. Кроун восхищённо наблюдает за чёткими, спокойными движениями жены.

А ведь я уже и забыл каким сильным характером обладает эта хрупкая женщина, живущая в моей тени.

Наконец маленькое существо появляется на свет. Тишина.

Младенец, конечно, не выжил. На что я только надеялся?! Маккензи был прав!

Все смотрят на Элли. Одной рукой она поднимает неподвижное тельце за ноги, перевернув его вниз головой, а указательным пальцем второй руки вычерпывает из его рта густую, тягучую слизь, мешающую ему дышать. Ребёнок делает первый вдох, и комната оглашается пронзительным плачем. Все выдыхают с облегчением.

– Ну же, Мэри, смотрите, у вас сын. – Кроун внимательно наблюдает за выражением лица своей пациентки.

Взгляд Мэри, казалось, проясняется, и черты обретают какую-то необыкновенную мягкость, нежная улыбка появляется на лице. «Она, как солнце, освещала всё вокруг» – в голове Кроуна всплывают слова Шульца.

Элли подходит ближе, протягивая малыша. Мэри поднимает глаза, её губы двигаются беззвучно. Кроун наклоняется, пытаясь разобрать слова.

– У меня никогда не было детей. – Она произносит чуть слышным шёпотом. Затем громче. – У меня никогда не было детей.

Внезапно её голос превращается в дикий визг, смешавшийся с плачем ребенка и криками испуганных медсестёр.

– У меня никогда не было детей! Уберите это!

Её лицо искажает страшная гримаса, в крике звучат боль и отчаяние полного безумия. Она пытается вскочить. Руки санитаров крепко вдавливают измученное тело в больничную койку. Женщина начинает извиваться в страшных судорогах, её глаза закатываются, она ещё раз дёргается, вложив все силы в последний рывок и, вдруг, обмякнув, падает на кровать. Её сердце больше не бьётся. Мэри Шульц мертва.

Наступает тишина. Все с ужасом смотрят на Кроуна. Зловещее молчание нарушает ровный голос Элли.

– Я могу пока помочь с малышом. – Она стоит, покачивая сверток, с притихшим на её руках младенцем. – Думаю ему будет лучше у нас дома, так безопаснее.

– Да, я был бы тебе очень признателен, – невозмутимый взгляд жены возвращает Кроуну самообладание.

– Позвоните Шульцу. Скажите, что его супруга скончалась. Пусть подъедет сегодня и никаких подробностей! Я сам расскажу ему о ребёнке.

***

Кроун провожает Элли домой и, наспех позавтракав, возвращается в больницу. Всё выглядит как обычно, и только тревожные голоса, замолкающие при появлении Кроуна выдают волнение персонала, напоминая о происшествии.

Нужно подготовиться к двум неприятным разговорам: один с Шульцем, а второй с попечительским советом. Разговор с Шульцем меня мало беспокоит. Это ему придётся дать ответ, как смогла забеременеть его безумная жена, отпущенная из психиатрической клиники под его ответственность! А вот мысли о попечительском совете внушают опасения. Пока что им ничего неизвестно, но долго держать их в неведении тоже нельзя – не хватало ещё,

чтобы меня заподозрили в сокрытии информации. Необходимо тщательно всё продумать. Сначала поговорю с Шульцем, а потом свяжусь с советом.

Наступил вечер, но Шульц так и не приехал.

***

Утро Кроун начинает с проверки медицинской карты Мэри. Он внимательно просматривает каждую запись:

Всё выглядит вполне приемлемо. Конечно параметры электрошока и препаратов были близки к критическим и даже к опасным, но умерла она не во время сеанса.

Ничего у вас не выйдет! Ни одна врачебная комиссия не сможет связать моё лечение с этим происшествием. Это была естественная смерть во время родов, а мой эксперимент здесь ни при чём. И точка! Можно звонить Харкинсу.

Уильям Харкинс был председателем попечительского совета. Они с Кроуном хорошо знали друг друга, и именно Харкинс когда-то порекомендовал его на должность главного врача. Сейчас в голосе председателя чувствовалось напряжение:

– Что там у вас за дела творятся, Кроун? И почему я узнаю об этом не от тебя, а от твоих подчиненённых?!

Понятно… Ну конечно же Маккензи!

– Ничего особенного не случилось – штатная ситуация. Скончалась одна из пациенток, Мэри Шульц. Я подготовлю для совета полный отчет. Сейчас жду её мужа.

– Можешь не ждать! Он повесился вчера, оставив записку, в которой обвинил клинику в её смерти. Как тебе такой поворот?!

Мерзкая неблагодарная сволочь! От него одни проблемы!

– Это конечно неприятно, но можете не переживать, Шульц подписал все документы соглашаясь на участие супруги в экспериментальном лечении и снимая с нас любую ответственность за возможные последствия.

– Это хорошо, но твои опыты нужно приостановить, временно, пока всё не утихнет. К отчету приложи материалы и записи, касающиеся миссис Шульц. Мы сами подумаем, как лучше представить это для полиции.

– Но нельзя останавливаться сейчас, мистер Харкинс, вы то должны меня понять!

– Я понимаю, но это не только мне решать, ты знаешь. Скандалы не идут на пользу бизнесу, а для совета клиника – прежде всего бизнес. Короче, сделай как я сказал, а там посмотрим.

Нужно сообщить Элли обо всём. Пусть вот Харкинс с умниками из совета разбирается с младенце! Это больше не их проблема.

***

Кроун подходит к дому. Что-то не так: тёмные окна и непривычно тихо.

Она конечно переживает из-за всех этих событий. Я слишком много взвалил на неё: Мэри, ребёнок, Шульц…

– Элли?

– Тише, дорогой. Ты разбудишь Роберта.

– Роберта?

– Я подумала ребёнку нужно имя, мы же не можем всё время называть его просто «он» или «младенец».

– Я разве не сказал тебе отдать его?! А ты? Вместо этого имя ему придумала?!

– Пожалуйста не шуми, Дональд. Я поговорила с мистером Харкинсом…

– Ты говорила с Харкинсом?! Но зачем?! Я не понимаю, о чём ты вообще с ним могла говорить?

– Мы подумали и решили – Роберт пока останется здесь.

– Вы решили?! Тебе не кажется, что нужно было спросить меня прежде чем звонить моему начальству?!

– Дорогой, не понимаю зачем мне спрашивать разрешение для разговора со старым другом. Ты, наверное, забыл, но это я познакомила тебя с Харкинсом. Я позабочусь о Роберте и, поверь, так будет лучше.

– Лучше для кого?

– Лучше для всех. Пожалуйста садись за стол, ужин уже готов.

***

Случилось как раз то, чего Кроун и опасался. Проект закрыли… «Временно приостановили». «Наберись терпения, нужно просто переждать», – сказал в итоге Харкинс, но Кроун понимает, что ожидание может затянуться на годы. «Слишком рискованно», «с призрачными результатами», «не соответствуют установленным этическим нормам» – такие характеристики не предвещали ничего хорошего, как и это их «временно».

Проклятые невежды! И почему деньги всегда находятся в руках таких трусливых ничтожеств?! Видимо придётся начинать всё сначала – искать, убеждать, доказывать…

– Доктор Кроун, к вам посетитель, – голос Хелен обрывает поток тревожных мыслей.

– Кто и по какому вопросу? Если очередной газетчик – я занят и никого не принимаю!

– Он не назвал своего имени, сказал только, что у него есть предложение, которое может вас заинтересовать.

– Хорошо. Пусть заходит.

Дверь резко открывается, и Крупный мужчина уверенным шагом пересекает кабинет. Он молча обводит взглядом стены с дипломами и, усмехнувшись, достаёт сигарету.

– Может быть потрудитесь объяснить, что вам нужно, мистер непонятно кто, я очень занят сейчас!

– Я не отниму у вас много времени, доктор, я представляю одну крупную организацию. Скажем так, мы хорошо знакомы с вашей работой. Мы некоторое время наблюдали за вами. Нам известно и что случилось с одной из ваших пациенток, и что ваши эксперименты приостановили, как опасные и неэтичные, и что сейчас, в это самое время, комиссия решает целесообразно ли оставлять вас на должности главного врача.

Кроун вскакивает, яростно сжимая кулаки.

– Убирайтесь! Немедленно!

– Ну-ну, не нужно так психовать, господин психиатр, – посетитель улыбается и сбрасывает пепел прямо на ковёр. – Мы абсолютно не согласны с таким вердиктом. Это был просто несчастный случай, небольшой недочёт, скажем. Ум и смелость такое редкое сочетание в наше время, а вы обладаете и тем и другим. Мы хотим, чтобы вы продолжили работу... Под нашим руководством. Что думаете?

– Кто это «мы», чёрт возьми!

– Скажем так, «мы» – те, кто предлагают вам поработать на благо страны, готовы предоставить неограниченные возможности и спокойно относятся к «небольшим недочётам», если цель этого стоит. Мы – те, кто понимают – успех это всегда цена.

***

Загреб, Хорватия. Февраль. 2014 год. Отель «Palace»

Гости наполняют бальный зал, рассаживаясь за круглые столики с белоснежными скатертями, согласно номерам в пригласительных билетах. Мягкий свет, звук пианино, золотистые искры шампанского в бокалах и блеск украшений, вечерние платья, смокинги, яркие вспышки фотокамер.

Логотип на экране за сценой – белоснежный бутон горного цветка и надпись «Silene» с буквой «S» в виде завитка бесконечности. Простота природы и немного магии, конечно. Зал погружается во мрак, логотип сменяется кадрами: современное здание из стекла и бетона, торжественные рукопожатия врачей, счастливые слёзы пациенты и ОН, легко взбегает по ступеням к дверям с натянутой красной ленточкой. В зале вспыхивает свет, и ведущий начинает:

– Добрый вечер, дамы и господа! Всем нам известна причина, по которой мы собрались в этом прекрасном зале. Сегодня большое событие как для нашего города, так и для медицинского сообщества в целом – ещё одна клиника нашего, не побоюсь этого слова, волшебника приняла своих первых пациентов. Чего же мы ждём? Конечно чудес! Поприветствуем нашего уважаемого и всемогущего Дэвида Рауха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.